

Глава 39. Бездушие

Лунье вошла в покои с чашей отвара из ласточкиных гнезд как раз в тот момент, когда на столе опрокинулся чайник. Вода залила столешницу и выплеснулась прямо на Лю Юя — тот сидел, безучастно уткнувшись лицом в скрещенные руки. Лунье вскрикнула от испуга и бросилась к нему, пытаясь помочь подняться, но Второй молодой господин лишь слабо отстранился.

— Всё в порядке. Уходи, — глухо бросил он, не поднимая головы. — Оставь меня в покое.

Лунье подняла чайник, поправила перевернутые чашки и, приняв себя, лукаво улыбнулась:

— А я уж перепугалась... Решила, Второй молодой господин пустился в пьянство. Оказывается, вы и от простой воды хмелеете.

— Раз так, принеси мне вина, — отозвался Лю Юй. — Настоящего. Сейчас же.

Лунье поставила чашу перед ним и вложила в его пальцы ложку.

— Вина нет. Зато старая госпожа велела принести вам отвар из ласточкиных гнезд с красными финиками. Подкрепите силы.

— Не хочу, — Лю Юй бросил ложку обратно в чашу.

Лунье принялась неспешно помешивать густое яство.

— А я только что видела брата А-Су. Он как раз собирался покинуть поместье. Знаете, я даже рада за него.

Лю Юй наконец вскинул голову:

— Рада?

— Именно так. Ведь с этого дня он волен сам выбирать свою дорогу.

— Значит, и ты считаешь, что здесь он был в клетке?

— Как вам сказать... — Лунье придвинула стул и присела напротив Лю Юя. — Я с детства чувствовала в нём эту безумную гордость. Он совсем не такой, как А-Лу, А-Шоу или А-Фу. Даже на Фан Сюйшэна он не похож. Тун Юнь и остальные пытались его удержать, уговаривали остаться, но брат А-Су был непреклонен. Он готов заплатить любую цену, лишь бы вырваться и

самому испытать судьбу.

— И ты одобряешь такой поступок? — Лю Юй подался вперёд.

— Конечно. Он делает то, о чём многие мечтают, но боятся даже помыслить. Мы, простые слуги, всю жизнь связаны по рукам и ногам, только и остаётся, что на судьбу роптать. Уверена, Тун Юнь и остальные в глубине души ему завидуют, хоть и твердят об опасностях внешнего мира. Брат А-Су верен своей мечте, и нам, его друзьям, стоит лишь пожелать ему удачи. К тому же он ведь не навсегда уходит. Мы обязательно встретимся снова.

Лю Юй выпрямился. Слова Лунье заставили его задуматься: если простая служанка видит всё так ясно, то он, терзаясь обидой, просто загнал себя в тупик. Он ведь давно знал о стремлениях Дина Су, так почему сейчас не может за него порадоваться? Его гнев был мелочным, недостойным главы.

— Твои слова принесли мне облегчение, Лунье, — он слабо улыбнулся. — Ты утешаешь лучше любого вина.

— Это потому, — тихо ответила девушка, подвигая к нему чашу, — что я тоже слуга Помесья Духовного Пламени. Я чувствую то же, что и он.

Лю Юй съел несколько ложек отвара. Глядя на неё, он вспомнил о давнем обещании.

— Кстати, давно хотел спросить: как у вас с Фан Сьюшэном? — заметив, как она замялась, он поспешил добавить: — Не бойся, я не из праздного любопытства. Если нужно, я готов стать вашим сватом — поговорю с ним, подготовлю всё. И приданое соберу заранее, ты мне как сестра всё-таки.

Лунье мгновенно перестала улыбаться. Взгляд потух. Она резко поднялась и низко поклонилась:

— Не стоит, Второй молодой господин. Между нами нет и никогда не было никаких чувств.

— Как это — нет? — Лю Юй опешил. — Что случилось? Вы поссорились?

Он отчётливо помнил тот день, когда обещал им свободу, как только возглавит поместье. Тогда Лунье светилась от счастья, хоть и пыталась скрыть это за девичьей застенчивостью.

Девушка не поднимала головы, голос её звучал ровно, но в каждом слове сквозила сталь:

— Между нами ничего нет. Молодой господин просто ошибся. Лунье желает лишь преданно служить вам в Помесье Духовного Пламени, и более ни о чём не помышляет.

Лю Юй всматривался в её лицо. Он был готов поклясться, что видел тогда в их взглядах ту самую нежность, которую ни с чем не спутать.

— Лунье, передо мной ты можешь говорить открыто. Если есть какая-то беда или тебе угрожают — скажи. Я не всегда могу распознать ложь, а значит, не смогу помочь, если ты будешь скрывать.

Она вскинула на него глаза. Взор был ясным и твёрдым, но в уголках глаз дрожали слёзы.

— Никакой беды нет. Фан Суйшэн для меня — всего лишь слуга Старшего молодого господина. Мы почти не видимся. Прошу вас, не говорите ему ничего, иначе я стану посмешищем для всего поместья и не смогу в глаза людям смотреть.

Этот ледяной, решительный тон заставил Лю Юя отступить.

— Раз так... хорошо. Но если передумаешь — сразу приходи ко мне.

— Второй молодой господин... — Лунье запнулась.

— Да?

— Простите меня.

Лю Юй горько усмехнулся:

— Ну вот, нашёлся человек, который извиняется чаще меня. Даже если я ошибся, это моя вина — я неправильно понял твои чувства, мне и просить прощения.

Лунье покачала головой:

— Нет, виновата я... это я... я должна...

Её голос сорвался на всхлип. Она больше не могла вымолвить ни слова.

— Ну полно, полно, — засуетился Лю Юй. — Это я виноват, полез не в своё дело, хотел как лучше, а только расстроил тебя.

Он протянул ей свой платок:

— На, вытри слёзы. Забудь об этом разговоре, я больше не заикнусь о нём.

Лунье приняла платок, присела в глубоком поклоне и поспешно вышла. Она почти бежала по извилистым галереям, пока Обитель Безмолвной Тени не осталась далеко позади. Лишь тогда она замедлила шаг. Платок в её руке пах сандалом, а в углу красовалась вышивка — четыре языка кружащегося пламени. Она долго смотрела на неё, а затем бессильно прислонилась к стене и зажмурилась, до боли сжимая ткань в кулаке.

Послышались быстрые шаги, и кто-то позвал:

— Лунье!

Этот голос она узнала бы из тысячи. Девушка вздрогнула, но когда открыла глаза, на её лице не осталось и следа слабости.

— Тебе чего?

Фан Сюйшэн подбежал к ней, задыхаясь. Увидев её холодность, он замер:

— Я целый месяц пытаюсь тебя найти, а ты вечно пропадаешь. Почему ты избегаешь меня? Я чем-то тебя обидел?

— Мы служим разным господам, — Лунье не смотрела на него. — У нас нет общих дел. С чего ты взял, что я тебя избегаю?

— Да что с тобой?! — Фан Сюйшэн нахмурился.

— Ничего. Я устала и хочу к себе.

Она попыталась обойти его, но он наотмашь ударил ладонью по стене, преграждая ей путь.

— Не уйдёшь! — он буквально запер её в тесном пространстве между стеной и своим телом. — Говори, в чём дело! Если бы я не поймал тебя сейчас, ты бы снова сбежала? Сколько ты собираешься прятаться?!

— Не ищи встреч со мной. Наедине — особенно. Я не приду, — она наконец подняла на него взгляд.

— Почему?!

— Потому что я всё обдумала. Ты — всего лишь жалкий холоп при Лю Чи. А я служу будущему главе поместья!

Фан Сюйшэн смотрел на неё, не веря своим ушам:

— Но ты сама говорила... Говорила, что как только Второй молодой господин примет дела, он вернёт нам вольные! Мы сможем быть вместе, открыто... Что ты такое несешь?!

Лунье звонко рассмеялась:

— Дурак! Ты и вправду поверил? Я просто забавлялась с тобой! Неужели ты не видишь, насколько ты жалок? Ни денег, ни имени — никчёмный раб. Какое будущее меня ждёт с тобой? Выкинь это из головы, я никогда не буду твоей.

— Я... я тоже пойду к главе! — Фан Сюйшэн лихорадочно выкрикивал слова. — Попрошу отпустить меня! Сделаю как Дин Су, сам пробью себе дорогу! Пойдём со мной, Лунье, попросим вместе, а?

Она смеялась так, что из глаз брызнули слёзы:

— При чём здесь я? С чего мне идти с тобой? Бросить верную опору и скитаться с нищеводом? Да ты на себя посмотри! У тебя есть хоть капля мастерства или отваги Дина Су? Ты сможешь одолеть Лю Чи? Ты рождён рабом и умрёшь рабом. Радуйся, что тебе вообще дают миску похлёбки и крышу над головой. На большее ты не имеешь права!

— Месяц назад ты говорила другое! — прорычал он, задыхаясь от ярости.

— Значит, тогда я была душой! — выкрикнула Лунье. — Но теперь я прозрела! С тобой моя жизнь превратится в прах. Уж лучше я стану наложницей Второго молодого господина. А если и не посмотрит на меня — останусь служанкой, это всё равно лучше, чем прозябать с тобой!

Фан Сюйшэн пошатнулся, жадно хватая ртом воздух.

— Это... это Лю Юй тебе наплел? Что он с тобой сделал?! — только его влиянием он мог объяснить столь внезапную и страшную перемену.

— Что он мне говорил и что делал — касается только нас двоих. Тебя это не касается. Отныне мы с тобой — чужие люди. Не ищи меня больше.

Она с силой оттолкнула его и стремительно зашагала прочь. Фан Сюйшэн проковылял несколько шагов назад, разум его словно помутился.

— Лунье! Лунье! — кричал он ей вслед.

Но она не обернулась. Она прибавила шагу, а затем и вовсе сорвалась на бег.

Ту Датун, выходя из кухни, едва успел уклониться:

— Лунье, ты куда так несешься? Сладости почти готовы, возьми...

Она уже скрылась за поворотом.

Добежав до своей комнаты, Лунье с грохотом заперла дверь на засов. Она не успела даже заплакать — дикая, невыносимая боль сбила её с ног. Кости словно дробили в пыль, а затем сдирали мясо с жил, втирая в раны битое стекло.

Она вспомнила тот день. Она лежала на земле, не в силах пошевелиться. Перед глазами были лишь белые сапоги, расшитые золотой нитью, и подол расшитого халата. Тот человек грубо схватил её за волосы, заставляя приподняться, но его пальцы, гладящие её по щеке, были пугающе нежными.

— Больно? — ласково спросил он.

Она не могла ответить. Только судорожно кивнула, захлёбываясь стоном.

— Ох, бедняжка... — в его голосе звучало притворное сострадание. — Тебе лучше не волновать своё сердце. Мой яд таков, что даже противоядие не утихомирит костоломную муку, если ты дашь волю чувствам.

Она широко раскрыла глаза, не понимая, о чём он.

— Оставь пустые надежды и любовь. Служи мне преданно — и боли не будет. Помни: если ослушаешься, страдать будешь не только ты. Я доберусь до каждого, кто тебе дорог.

— Не смей... — она попыталась выговорить слово, но он резко склонился и впился в её губы поцелуем.

Его язык бесцеремонно ворвался в её рот, подавляя волю. Лунье захлестнула ярость, она хотела стиснуть зубы и откусить ему язык, но он предвидел это — его рука стальными тисками сжала её челюсть, не давая закрыть рот. В его слюне была горечь. Она поняла, что он впрыскивает ей какую-то отраву, но в следующее мгновение мир перед глазами поплыл, и она провалилась в беспамятство.

Лунье скорчилась на полу, обливаясь холодным потом. Дрожащими руками она затолкала в рот платок Лю Юя и только тогда позволила себе закричать. Глухой, отчаянный вой, рвущийся из её груди, не был похож на голос юной девушки — так выл в капкане смертельно раненный

зверь.

<http://bllate.org/book/17461/1698749>